

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-229-245

УДК 82.09

В.П. БУРЕНИН И ЕГО ЧИТАТЕЛЬ

Шабалина Н.Н., Шабалина И.Г., Шайхисламова А.Г.

Обоснование. В данной статье рассматривается взаимоотношения в системе читатель – критик и основные формы реализации коммуникативных связей критика и читающей публики.

Цель – рассмотреть инстанцию читателя в критике В.П. Буренина, представить взаимоотношения внутри литературной системы читатель – критик, выявить характерную модель поведения Буренина в диалоге с читателем. Для анализа выбраны фельетоны В.П. Буренина, опубликованные в разные годы в газете «Санкт-Петербургские ведомости».

Для достижения поставленной цели были применены следующие **методы**: историко-функциональный метод, системно-типологический метод, метод контент-анализа. В статье были проанализированы основные принципы выстраивания коммуникативных отношений критик-читатель.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу: доминирующий тип буренинского читателя – «читатель – «молчаливый собеседник», который эксплицитно закреплен в тексте (в языковых средствах, риторических восклицаниях, вопросах и обращениях, во вступлении и заключении, постоянном использовании местоимений «я» – «мы»); в критике Буренина ярко представлена модель поведения – манипуляция словом (тропы, синтаксические и стилистические фигуры, вербальные формулы запрета, наставления, указания, жестовая манипуляция).

Область применения результатов. Результаты работы могут быть использованы в преподавании университетских курсов по истории русской литературной критики, русской литературы рубежа 19-20 вв., при дальнейшем изучении литературно-критического наследия В.П. Буренина.

Ключевые слова: читатель; критика; речевая манипуляция; диалог; В.П. Буренин; фельетон; стратегия

V.P. BURENIN AND HIS READER

Shabalina N.N., Shabalina I.G., Shaikhislamova A.G.

Background. *This article examines the relationship in the reader – critic system and the main forms of implementing the communicative relations of the critic and the reading public.*

The aim is to examine the reader's instance in the criticism of V.P. Burenin, to present the relationship within the literary system reader – critic, to identify the characteristic model of Burenin's behavior in the dialogue with the reader. For the analysis, V.P. Burenin's feuilletons published in different years in the Saint-Petersburg Vedomosti newspaper were selected.

To achieve this goal, the following methods were used: the historical-functional method, the system-typological method, and the content analysis method. The article analyzes the basic principles of building a critic – reader communication relationship.

In the study we came to the conclusion that the dominant type of Burenin's reader is "the reader as a silent companion", which is explicitly expressed in the text (in language, rhetorical exclamations, questions and requests, in the introduction and conclusion, the constant use of the pronouns "I", "we"); in Burenin's criticism, a particular model of behavior can be found, i.e., manipulation with the word (tropes, syntactic and stylistic figures, verbal formulas of the ban, instructions, guidances, gesture manipulation).

Practical implications. *The results of the study can be used in teaching academic courses on the history of Russian literary criticism, Russian literature at the turn of 19-20 centuries, with further study of V.P. Burenin's literary and critical heritage.*

Keywords: *reader; criticism; speech manipulation; dialogue; V.P. Burenin; feuilleton; strategy*

В литературной системе взаимоотношений (писатель – читатель или писатель – критик – читатель), как правило, ключевая роль отведена диалогу критика с аудиторией. Данная модель отношений значима, потому что, с одной стороны, через призму вкусов и предпочтений так называемой «референтной группы» (термин М. Берга), можно оценить роль критика в литературном процессе, дать всеобъемлющую характеристику его творчества, с другой – это позволяет сформировать представление не только об авторе, но и об особом типе читателя. Как отмечает А.И. Рейтблат, читатель – «это не любой человек, а человек литературно социализированный, не просто умеющий читать, но и владеющий нормами, стандартами, условностями литературной культуры» [16, с. 6].

На сегодняшний день актуальными становятся исследования, касающиеся интерпретации категории образа читателя, в его тесной взаимосвязи с авторской интенцией (герменевтика, рецептивная эстетика, критика читательских реакций и т.п.). В конце XX столетия категория «образ читателя» получает весомую трактовку в контексте рецептивных теорий (В.В. Виноградов, В.М. Власик), также рассматривалась в литературоведении с эстетической точки зрения (М.М. Бахтин), активно обсуждалась проблема взаимоотношений автора и читателя (А.П. Скафтымов, А.М. Левидов). Теоретики постмодернизма (Р. Барт, М. Фуко), заявив о «смерти автора», утвердили культ читателя. И.А. Белецкий в статье «Об одной из очередных задач историко-литературной науки» обозначил равнозначность двух ранее противоположных друг другу понятий: «образ автора» и «образ читателя» [1]. В то же время изучение образа читателя не было широкоформатным, поэтому во многом типология читателей занимает особое место в библиотекведческих исследованиях (С.А. Трубников, В.А. Минкина). Важно отметить и тот факт, что до сих пор нет подробного исследования концепции образа читателя в литературно-критических статьях. В 2003 г. в книге А.М. Штейнгольд «Анатомия литературной критики: природа, структура, поэтика» представлена классификация типов читателей [19], также существенный интерес по данному вопросу представ-

ляет книга немецкого исследователя В. Шмида «Нарратология», где одна из глав «Повествовательные инстанции» посвящена разбору эксплицитного и имплицитного закрепления читателя в тексте [18]. В действительности концепция «образа читателя», как и типы читателей, особенно в литературно-критических статьях остаются малоизученными. В нашем исследовании мы сосредоточим внимание на фельетонной деятельности, одного из наиболее ярких критиков конца 19 – начала 20 вв. – В.П. Буренина. В последние годы подход к изучению творческого наследия критика изменился, поэтому, на наш взгляд, было бы интересно рассмотреть особенности взаимоотношений в парадигме критик – читатель на примере его критического наследия. Цель нашего исследования – подробно и целостно рассмотреть инстанцию читателя в критике В.П. Буренина, представить взаимоотношения внутри литературной системы читатель – критик, выявить характерную модель поведения и художественные приемы, используемые Бурениным в диалоге со своей «референтной группой». Для достижения поставленной цели были применены следующие методы: историко-функциональный метод при анализе научной литературы; системно-типологический метод при изучении образа читателя; метод контент-анализа, т.к. мы применили метод классификации, чтобы выделить типы читателей, которые встречаются в литературно-критических статьях В.П. Буренина.

Виктор Петрович Буренин – известный критик газеты «Новое время», в которой он еженедельно публиковал пятничные фельетоны с 1876 г. вплоть до 1917 (издание было закрыто после смерти А.С. Суворина). За свою более чем полувековую критическую деятельность Буренин снискал в литературных кругах весьма неоднозначную репутацию. На особую манеру освещения литературных фактов, полемических приемов и письма указывает современник критика В.О. Михневич: «Дело в том, что несколько лет тому назад, г. Буренин расклинил, так сказать, на двух диаметрально противоположных друг другу Бурениных <...> Его прежние фельетоны и журнальные обзоры, лёгкие и неглубокие, но остроумные и часто меткие, читались с удовольствием; читаются и ныне им сочиняемые, но уже

без особого удовольствия, благодаря их мелочно-самолюбивой, и безразборной «сердитости»; в ослеплении, которой г. Буренин, договаривается нередко до крайне антипатичных выходов» [15, с. 54].

Для читателя критик – интеллектуальный, разбирающийся во всех тонкостях литературного «дела», товарищ по чтению, осуществляющий «разметку литературного поля», ориентирующий его в информационном потоке, способный выделять наиболее значимые события. Однако рассматривать автора критических статей отвлеченно, не заостряя внимание на его самобытности и творческой индивидуальности, неправильно. Поэтому, говоря о взаимоотношениях критик – читатель, необходимо учитывать момент выбора публики, на который влияют различные факторы: доступность изложения, красочность издания, тираж, «политика» редакции и пр. Одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на предпочтения читающей аудитории, как это ни странно, становится литературная репутация автора.

Сложившееся у Буренина-фельетониста литературное реноме предопределило обращение или не обращение читателей к его творчеству. Стратегия литературного поведения критика: эпатажный стиль критических выступлений, использование некорректных полемических приемов, которые иногда сводятся ни к фактам и аргументам, а к «окололитературным» сплетням, стремление поквитаться с литературными оппонентами с помощью фельетонов, часто является едва ли не ключевой целью критика – все это можно рассмотреть как акт сознательного формирования писательского имиджа, который, в свою очередь, должен был выполнять своеобразную рекламную функцию. Данная игровая модель поведения сформировала довольно обширную, преданную критику аудиторию. На интерес публики, которым пользуются статьи «нововременского» критика, с досадой обращал внимание В.В. Стасов: «Почти каждый читатель побранивает слегка и Дьякова, и Суворина, и Буренина за их мерзости, но с восхищением или, по крайней мере, не без сочувствия всякий день их читает по всему лицу земли русской» [17, с. 20]. В то же время маска «бесцеремонного циника», скандальные выпады и особая манера письма Буренина-критика тесно переплетается с оригинальным

и глубоким видением литературных событий, умением делать правильные выводы и чутко чувствовать талант (в редакционном кружке газеты «Новое время» такая независимость и безапелляционность выводов позволялась лишь Буренину).

70-80-е гг. XIX в. ведущую роль в формировании мнения общества начала играть газета, рассчитанная на самую широкую читательскую аудиторию: крестьян, ремесленников, городскую прислугу, мелких служащих. Именно газетная литературная критика сыграла особую роль в формировании нового поколения читателей. Ведущим жанром становится фельетон, который во многом предопределяет особую манеру общения критик – читатель: «на газетной полосе запросто беседуют с опекаемым ими читателем, развлекают его, дают ему советы, приспособившись к его уровню» [13, с. 78]. Практически все фельетоны были авторски-индивидуализированы, т.к., в его основу была положена эмотивная цель – быстро и сильно повлиять на вкусы и предпочтения «массового» читателя. Для Буренина фельетон стал основной формой выражения взглядов, поэтому читатель оказывается в центре его критического внимания, нижние ступени читательского тезауруса, повседневные, сиюминутные потребности определяют как содержание, так и стиль буренинских критических статей.

Обратимся к классификации образов читателей, предложенной А.М. Штейнгольд, в основу которой положен принцип самостоятельности и степени конкретизации в тексте того или иного типа читателя: «читатель – «молчаливый собеседник» (обобщенный собирательный образ); «читатель – носитель определенной точки зрения» (читатель закреплен в тексте, индивидуализирован); «читатель – носитель идеи» (читатель представлен суммой характерных социально-бытовых, национальных, сословных, возрастных черт) [19, с. 71].

Исходя из классификации А.М. Штейнгольд о типах читателей, в фельетонах Буренина наиболее часто присутствует «читатель – молчаливый собеседник» [Там же]. Образ читателя конструируется в тексте фельетонов Буренина, становясь частью «мира критика», на его незримое присутствие рассчитана вся система логических и художественных доводов автора. Обрисовывая характерные черты

своего читателя, Буренин подмечает мельчайшие подробности его поведения, психологически точно вскрывает внутренние пристрастия, стремления и интересы. Но в то же время данный образ абсолютно лишен всякой личностной индивидуальности, он напоминает своеобразную «формулу», реакцию которой фельетонист всегда угадывает. Данный факт подтверждает обстоятельность пояснений критика, к примеру, исторических, литературных, культурных событий общественной жизни России 19-20 вв.: «из театра мы пойдем с вами, читатель, прямо в маскарад Благородного собрания», «возникла, например, лотерея в больших размерах, возникло в клубах лото... эти явления составляют весьма широкий шаг на пути прогресса», «не все же, читатель, заниматься нам с вами так называемой общественной жизнью», «О, читатель! Если бы вы могли знать, с какой радостью я сообщаю вам известие о том, что зимний сезон Александровских бенефисов окончен» [7, с. 2; 9, с. 2]. Все это дает основание сделать вывод о том, что перед нами малообразованный лишённый кругозора человек – массовый, «средний читатель».

Буренин делает читателя точкой отсчета в своих произведениях, однако, стремясь угодить запросам публики, критик «ведет» ее за собой. Мнение Буренина-фельетониста авторитетно, он выступает своеобразным, всезнающим, мудрым наставником, который, умело подготавливая выводы, руководит читателем: «В этой *массе*, разумеется, встречается так много посредственных и даже совсем *невыносимых*, что право я имел бы полное право (простите за невысказанный каламбур) охладеть к этому *неблагодарному занятию* – чтению новых беллетристических произведений, фабрикуемых журнальными авторами», «...прочел «Идеалистку», если не без скуки, то без *некоторого назидания*», «я заинтересовался *брошюрой*, приобрел её за *пять копеек*, и *пробежал на досуге*» [3, с. 8]. Критик, формируя мнение аудитории, целенаправленно намеренно использует слова с негативной коннотацией, к примеру, употребляет слово не «брошюра», а «брошюрка», что подчеркивает, с одной стороны, явное пренебрежение критика к разбираемому произведению современной беллетристической литературы, с другой – на-

правленность: лишена дидактического потенциала, читать можно «на досуге», т.е. не задумываясь, цена – «пять копеек».

Буренин-фельетонист, предпочитая читателя – «молчаливого собеседника», не дистанцируется от него: автор видит в нём единомышленника и ученика, обращает к нему все свои идеи, аргументы, взгляды и размышления. Стилистически это закреплено обращением к публике от первого лица, нарочитым включением читателя в эмоционально-чувственные переживания критика: «читатель поверит мне, если я скажу, что в моей юности мне случилось обожать одно неземное создание...», «Я воображаю себе, как пробегает гримаса неудовольствия по вашему лицу при таком известии, как вы сквозь зубы произносите: ну этого только недоставало!», «В одно прекрасное утро (то есть самое сквернейшее, со слякотью и дождем...), когда я сидел с ревматической болью в спине, со скверными ощущениями в желудке...», «мне всегда снятся скверные сны, если я с вечера увлекусь гражданскими мечтаниями или я выпью много вина» и пр. [4, с. 1; 7, с. 2; 8, с. 1]. Данная коммуникативная стратегия, предоставляя автору гораздо большую свободу в эффективной передаче субъективных впечатлений и переживаний, формирует у читателя положительное восприятие и безоговорочное доверие к автору. Адресность высказывания Буренина реализуется также в риторических вопросах, форма которых приглашает читателя к размышлению по поводу корпуса мыслей, представленных критиком. Тесный контакт критика и читателя позволяет не только успешно реализовать коммуникацию, но формировать траекторию движения читательских мыслей, которая исподволь подготовлена наиболее грамотным участником процесса общения: «Я хотел говорить об этом чудном времени, которое наступило для детей Северной Пальмиры – времени, подобном блеску кристалла... О, это, быть может, самая поэтическая пора из всех времен года... Не правда ли, читатель, эти строки столь же блистательны, сколько игривы и остроумны? Думаете ли вы, что я не мог бы написать подобных строк сколько мне угодно!» [6, с. 2]. Важен тот факт, что риторическое восклицание на самом деле становится своеобразным

ответом на озвученные вопросы и содержит скрытое сравнение истинно важных общественных событий, которые должен освящать журналист и просто болтовни по любому случаю. Итак, Буренин, обрисовывая контуры образа читателя, представляет его не только как «идеального реципиента» (по Шмидту), но и воспитывает его как гармоничную, всесторонне развитую личность. Так, например, в ряде фельетонов, опубликованных в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 1865 г., как правило, начало оформлено как авторское философское размышление, обращённое к читателю, не искусственному знанием о нюансах современной жизни: «Чего нам недостает, в чем мы нуждаемся в этой жизни, и жизнь наша есть, так сказать, не жизнь, а сосуд полный до краев всем, что потребно для благополучия и благосостояния мирного гражданина и истинного Сына Отечества...», «...представьте себе, читатель, что мы именно решаемся сделаться преступником; мы, не смотря на неотразимое сознание своего происхождения, на этот раз питаем пылкое желание обладать иными родителями. Говоря яснее, мы желали бы сделаться французами или англичанами» [4, с.1; 6 с. 1]. Безоблачность и радужность нарисованной Бурениным картины разрушает ироничность подачи материала, которая верно расставляет акценты внутри литературной системы и формирует правильный вектор (в какой-то степени заданный) отношения к подобного рода фактам.

В субъективном фельетонном повествовании «личность» повествующего с его публицистической страстностью полностью подчиняет себе читателя, его взгляды и испытанные эмоции. В критике Буренина, на наш взгляд, ярко представлена такая модель поведения, как манипуляция словом. Данный феномен с недавнего времени является объектом междисциплинарных исследований, привлекающий все больше отраслей наук – социологию, психологию, философию, педагогику (З. Вендлер, О.Н. Быкова, Д.Р. Дроздова, Л.В. Цыбина, Т.П. Куранова). Следует отметить, что мы используем данный термин без негативного значения, рассматривая сущность этого феномена как вид контактных отношений критика – читателя. Под «манипуляцией» мы понимаем определенные воздействия на

человека (в данном случае – читателя) с особой целью, со специальными намерениями, которые помогают автору фельетона «завоевать» публику и обрести союзников, а не подавить личность.

Можно выделить несколько приемов манипулирования, которые использует Буренин в своих критических выступлениях: тропы, синтаксические и стилистические фигуры, которые вызывают у читателя эмоциональный отклик, пробуждая его к запрограммированным действиям и мыслям. Для Буренина табуированы такие приемы, как угроза, его манипуляции тоньше и сложнее.

Важной тактикой в данной системе становится убеждение, а одним из приемов – повтор. Эффективность приема явно высвечивается в следующем отрывке: «Боже мой, и какая тут ошибка со стороны автора, как можно сказать роковая ошибка. Ведь благодаря целой ошибке создан целый роман» [6, с. 1]. Фельетонист трижды повторяет слово «ошибка», снабжая его прилагательным «роковая». Данное сочетание усиливает эмоциональный отклик, заостряя внимание читателя не на разборе произведения, а на выводе Буренина: роман – это роковая ошибка. Авторское предупреждение нельзя упустить из виду, т.к. оно часто, в различных вариациях возникает перед взором читателя, который неосознанно запоминает его и принимает как истину. Ядром манипуляции в конкретном случае является неоднократное употребление одного и того же слова с негативной окраской.

Немаловажен и прием наставления, словесными формами которого могут выступать указания, распоряжения и запрещения. В отличие от команд и приказов, рассчитанных на срабатывание уже имеющегося навыка, наставление формирует целостную положительную установку деятельности. Буренин в этом случае, осуществляя свое убеждение, апеллирует к своему опыту и знаниям. Наглядно это представлено в фельетоне по № 244 1865 г.: «Если бы г. Слепцов, изображая своего героя, отнесся к нему сатирически, то оказал бы истинную услугу читателям. В повести г. Слепцова читатель найдет великое множество примеров неясности словопренений...» [6, с. 2]. Разговор о повести Слепцова «Трудное время» Буренин строит как непринужденную беседу с читателем, где, ссы-

лаясь на вкусы и предпочтения последнего, не просто высказывает свои мысли по этому поводу, а дает «отеческие» советы. В данном случае возникает ситуация искушения читателя, когда критик, заботясь о вкусах публики, навязывает писателю модель поведения и манеру письма. Читатель безоговорочно верит фельетонисту, т.к. автор обладает весомой категорией «знания», а писатель слишком неопытен в литературных делах: «Черты, которыми г. Слепцов привык обрисовывать русского крестьянина слишком сухи, отрывочны...» [Там же, с. 3]. В системе манипуляций Буренина ярко представлен вербальный прием речевого воздействия – навешивание ярлыков, например, Слепцов – молодой и несостоявшийся автор.

Ещё одна особенность речевого манипулирования у Буренина – активное использование пословиц и поговорок для усиления эмоционального и публицистического звучания, т.к. ассоциации, связанные с ситуативными фольклорными жанрами, соотносятся с социальной и ментальной памятью, что позволяет критику в немногих словах донести до читателя свою мысль. «Вербализируя мысль с помощью образных эмоционально-оценочных языковых единиц, содержание которых легко декодируется, манипулятор получает возможность без лишних усилий не только выразить свое отношение, но и «поделиться» им, незаметно навязать его собеседнику» [12, с. 113]. Обратимся к фельетонам, опубликованным в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 1872 г., на страницах газеты в это время развивается «литературный бой» между В.П. Бурениным и Н.К. Михайловским. Критик использует следующие пословицы на первом этапе полемики: «ему, видимо хочется, прежде всего, забросать противника упреками, *наговорив про него три короба несообразностей*», «но мы готовы *поверить этим господам – на слово* и принять спор о направлении, лишь бы только он *велся на честоту*», «Ежели так, то *в добрый час!* Я *обеими руками* благословляю г. Михайловского» [10, с. 1]. Весь арсенал пословиц служит своеобразным средством дискредитации литературного оппонента. Интересен тот факт, что на начальной стадии полемики Буренин использует фразеологические единицы смысловым ядром, которых

становятся честность и порядочность («верить на слово, разговор начистоту») [Там же]. Будучи искушенным в подобного рода делах, критик мастерски двумя штрихами создает портрет умного, тактичного, открытого, объективного и благородного человека, который подвергается гнусным инсинуациям со стороны г. Михайловского («три короба несообразностей») [Там же]. В модели критического мышления Буренина практически отсутствуют аргументы и факты, доказывающие его правоту, однако читателям априори навязывается черно-белая картина мира, распределение ролей в которой происходит по принципу хороший – плохой. С точки зрения публики Буренин – положительный герой, его противник – отрицательный. В рамках сложившейся ситуации любые положения и доводы критика не вызывают никакого сомнения и толкуются как истина.

Далее Буренин, не выходя из амплуа, использует новый ряд пословиц: «в добрый час, обеими руками благословляю», которые, на наш взгляд, с одной стороны, вновь подчеркивают его благожелательный настрой к литературному оппоненту [10, с. 3]. С другой – амбивалентная природа пословиц вскрывает и тайный смысл высказываний Буренина, декодируя который, фразеологизмы можно рассмотреть как определенного рода провокацию. Своеобразное благословение Буренина не только не требуется Н.К. Михайловскому, сколько вызывает в нем исключительно негативные эмоции: «Довольно долго потом смешил меня почтенный хроникер своими корсетными одобрениями» [14, с. 61]. Читатель же, не усмотрев за безобидными пословицами ничего крамольного, полностью разделяет взгляды Буренина и поддерживает его в литературном споре. Фельетонист же точно угадывает тайные страхи оппонента и вербализует их: «при всем моем желании одобрить г. Михайловского, сказать ему похвалу столь полезную для *юных* литературных деятелей», «г. Михайловский не публицист и не философ: он еще только *ученик*» [10, с. 2]. Далее Буренин ненавязчиво предлагает выход из сложившейся ситуации (вновь прибегая к пословицам), который оставляет ему возможность по-прежнему оставаться в глазах читающей публики опытным, мудрым и достойным доверия человеком: «А г. Михайловский надо отдать должное пишет теперь

коротко и вежливо. Ежели так, то в добрый час! Я обеими руками благословляю г. Михайловского» [11, с. 3].

Важным структурным элементом воздействия на публику у Буренина становятся жесты. Исследования психологов актуализируют жест «как средство раскрытия внутреннего мира человека, как проявление его воли или бессознательного» [2, с. 373]. Как правило, подчеркивается, что жест – это проявление в достаточной мере импульсивное не связанное с целью, т.к. обладает нецеленаправленностью и некоторой произвольностью выражения. Однако жест в литературно-критических статьях Буренина, на наш взгляд, четко срежиссирован и направлен на достижение конкретной цели, например карпалистический код литературного спора с Михайловскими – «обеими руками благословляю», подчеркивающий отсутствие злого, тайного умысла, чистоту намерений, становится и своеобразным средством признать свое поражение (соотнесем жест поднятых вверх рук). Недаром современники восприняли последние выпады Буренина как капитуляцию. Однако для читателя, чутко считающего поведение автора, он вновь остается порядочным человеком, способным признать аргументацию литературного оппонента, к мнению которого можно безоговорочно прислушиваться.

Таким образом, в критике Буренина образ читателя эксплицитно закреплен в языковых средствах, риторических восклицаниях, вопросах и обращениях (во вступлении и заключении), постоянном использовании местоимений «я» – «мы» и незримом диалоге с читателем. Все это обусловило создание собирательного образа читателя, отражающего интересы и потребности российского общества конца 19 столетия, для которого Буренин являлся опытным и мудрым наставником, способным сформировать литературный вкус. Основной тип читателя в критике Буренина – читатель – «молчаливый собеседник», с которым критик находит в тесной коммуникативной связи, стремясь не дистанцироваться от него, а сделать своим учеником и единомышленником. Для непосредственного включения читателя в сферу своих эмоциональных переживаний и предпочтений критик использует модель речевого манипулирова-

ния: повторы, пословицы и поговорки, наставления, навешивания ярлыков, ситуация искушения, жесты.

Список литературы

1. Белецкий А.И. Об одной из очередных задач историко-литературной науки // Литература в школе, 2006. № 1. URL: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200600117> (дата обращения: 06.03.2021).
2. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. М.: АСТ; СПб: Прайм-Еврознак, 2009. 811 с.
3. Буренин В.П. Критические очерки и памфлеты. СПб.: Издательство Суворина, 1884. 315 с.
4. Буренин В.П. Литературные и журнальные заметки // Санкт-Петербургские ведомости, 1865. № 237. С. 1-3.
5. Буренин В.П. Литературные и журнальные заметки // Санкт-Петербургские ведомости, 1865. № 244. С. 1-3.
6. Буренин В.П. Литературные и журнальные заметки // Санкт-Петербургские ведомости. 1865. № 265. С. 1-3.
7. Буренин В.П. Литературные и журнальные заметки // Санкт-Петербургские ведомости, 1865. № 286. С. 1-3.
8. Буренин В.П. Литературные и журнальные заметки // Санкт-Петербургские ведомости, 1866. № 23. С. 1-3.
9. Буренин В.П. Литературные и журнальные заметки // Санкт-Петербургские ведомости, 1866. № 30. С. 1-3.
10. Буренин В.П. Литературные и журнальные заметки // Санкт-Петербургские ведомости, 1872. № 170. С. 1-3.
11. Буренин В.П. Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости, 1872. № 138. С. 1-3.
12. Декатова К.И. Манипулятивная функция политических фразеологизмов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2019. С. 111-114.
13. Журбина И.Е. Теория и практика художественно-публицистических жанров. М.: Мысль. 1969. 398 с.
14. Михайловский Н.К. Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки. 1872. № 5. С. 60-75.

15. Михневич В.О. Исторические этюды русской жизни в 3-х т., т.2. СПб: Тип. Ф. Сушинского. 1886. 431 с.
16. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту. Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М.: Издательство МПИ. 1991. 224 с.
17. Стасов В.В. По поводу г. Буренина // Избранные сочинения в 3 т., т 2. М.: Искусство. 1952. С. 19-23.
18. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
19. Штейнгольд А.М. Анатомия литературной критики (Природа. Структура. Поэтика). СПб.: Дмитрий Буланин; Наука РАН, 2003. 201 с.

References

1. Beleckij A.I. Ob odnoj iz ocherednyh zadach isoriko-literaturnoj nauki [On one of the immediate tasks of the historical and literary science]. *Literatura v shkole* [Literature at school], 2006, no. 1. <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200600117> (accessed 06.03.2021).
2. *Bol'shoj psichologicheskij slovar'* [Unabridged philological dictionary]. Moscow: AST; St. Peterburg: Prajm-Evroznak, 2009, 801 p.
3. Burenin V.P. *Kriticheskie ocherki i pamflety* [Critical essays and pamphlets]. St. Peterburg: Izdatel'stvo Suvorina, 1884, 315 p.
4. Burenin V.P. Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and magazine notes]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [The Sankt-Peterburg Vedomosti], 1865, no. 237, pp. 1-3.
5. Burenin V.P. Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and magazine notes]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [The Sankt-Peterburg Vedomosti], 1865, no. 244, pp. 1-3.
6. Burenin V.P. Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and magazine notes]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [The Sankt-Peterburg Vedomosti], 1865, no. 265, pp. 1-3.
7. Burenin V.P. Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and magazine notes]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [The Sankt-Peterburg Vedomosti], 1865, no. 286, pp. 1-3.
8. Burenin V.P. Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and magazine notes]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [The Sankt-Peterburg Vedomosti], 1866, no. 23, pp. 1-3.

9. Burenin V.P. Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and magazine notes]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [The Sankt-Peterburg Vedomosti], 1866, no. 30, pp. 1-3.
10. Burenin V.P. Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and magazine notes]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [The Sankt-Peterburg Vedomosti], 1872, no. 170, pp. 1-3.
11. Burenin V.P. Zhurnalistika [Journalism]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [The Sankt-Peterburg Vedomosti], 1872, no. 138, pp. 1-3.
12. Dekatova K.I. Manipuljativnaja funkcija politicheskikh frazeologizmov [Manipulative function of political phraseological units]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Izvestija Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki], 2019, pp. 111-114.
13. Zhurbina I.E. *Teorija i praktika hudozhestvenno-publicisticheskikh zhanrov* [Theory and practice of artistic and journalistic genres]. Moscow: Mysl', 1969, 398 p.
14. Mihajlovskij N.K. Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and magazine notes]. *Otechestvennye zapiski* [Otechestvennye zapiski], 1872, no. 5, pp. 60-75.
15. Mihnevich V.O. *Istoricheskie jetjudy russkoj zhizni v 3 t., t. 2* [Historical studies of Russian life in 3 volumes, vol. 2]. St. Peterburg: F. Sushhinskiy Publ., 1886, 431 p.
16. Rejtblat A.I. *Ot Bovy k Bal'montu. Oчерki po istorii chtenija v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka* [From Bova to Balmont. Essays on the history of reading in Russia in the second half of the 19th century]. Moscow: MPI Publ., 1991, 224 p.
17. Stasov V.V. Po povodu g. Burenina [Concerning Mr. Burenin]. *Izbrannye sochinenija v 3 t., t. 2* [Selected works in 3 volumes, vol. 2]. Moscow: Iskustvo, 1952, pp. 19-23.
18. Shmid V. Narratologija. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003, 312 p.
19. Shtejngol'd A.M. *Anatomija literaturnoj kritiki (Priroda. Struktura. Pojetika)* [Anatomy of literary criticism (Nature. Structure. Poetics)]. St. Peterburg: Dmitrij Bulanin; Nauka RAN, 2003, 201 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Шабалина Надежда Николаевна, кандидат филологических наук,
ст. преподаватель кафедры русского языка и литературы
Елабужский институт (филиал) КФУ
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, 423604, Российская Федерация
nadezhada_85@mail.ru

Шабалина Ирина Геннадьевна, учитель первой квалификацион-
ной категории
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №10» Елабуж-
ского муниципального района РТ
ул. Марджани, 26А, г. Елабуга, 423606, Российская Федерация

Шайхлисламова Альбина Газизовна, учитель высшей квалифи-
кационной категории
МБОУ «Гимназия № 183» Советского района Казани
ул. Минская, д. 47, г. Казань, 420140, Российская Федерация
arina-31@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Shabalina Nadezhda N., Candidate of Philological Sciences, Senior
Lecturer of the Department of Russian Language and Literature
Elabuga Institute (Branch) of the KFU
89 Kazanskaya Str., Elabuga, 423604, Russian Federation
nadezhada_85@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7947-9565

Shabalina Irina G., Teacher of the First Qualification Category
Secondary School No. 10 of the Yelabuga Municipal District of
the Republic of Tatarstan
26A, Marjani Str., Yelabuga, 423606, Russian Federation

Shaikhislamova Albina G., Teacher of the Highest Qualification Category
Gymnasium No. 183 of the Sovetsky district of Kazan
47, Minskaya Str., Kazan, 420140, Russian Federation
arina-31@mail.ru